

References

E.V. Emel'yanova. *Obrazy islandcev «veka sag» v prelomlenii poetiki rodovoj sagi na primere vospitatelej: k voprosu o tipologii personazhej* [Images of Icelanders of the «Century of Sagas» in the Refraction of the Poetics of the Ancestral Saga on the Example of Educators: on the Issue of Character Typology]. *Atlantika. Zapiski po istoricheskoi poetike* [Atlantic. Notes on Historical Poetics]. Moskva, 2015.

V.V. Krasnyh «Svoj» sredi «chuzhih»: mif ili real'nost'? [«Own» among «alien»: myth or reality?]. Moskva, 2003.

O.A. Smirnitskaya. *Funkcii glagol'nyh vremennykh form v sagah ob islandcah* [Functions of Verb Tense Forms in the Family Sagas about Islanders]. *Izbrannye stat'i po germanskoj filologii* [Selected Articles on German Philology]. Moskva, 2008.

M. I. Steblin-Kamenskij. *Mir sagi* [World of the Saga]. L., 1984.

J. Byock. *Feud in the Icelandic Saga*. Berkeley, 1993.

List of sources

Íslendinga sögur. Reykjavik, 1987.

КОГНИТИВНО-ЭКСПРЕССИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ЗНАКОВ ЯЗЫКА НАУКИ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ

Д.А. Кожанов

Ключевые слова: общие и специальные научные знания, научное понятие, знаки искусственных языков, художественный текст, интерпретация.

Keywords: general and special scientific knowledge, scientific notion, signs of artificial languages, literary text, interpretation.

DOI 10.14258/filichel(2019)2-13

Общие и специальные научные знания, представляющие собой важнейший фрагмент картины мира современного человека, являются одной из наиболее актуальных проблем, поднимаемых в когнитивных исследованиях, рассматривающих данный феномен с точки зрения структурной организации специальных знаний в ментальном мире человека, их функционального потенциала, взаимодействия с другими типами знания и т.д. В настоящей статье мы рассматриваем научную

картину мира, представляющую собой ментальное образование, аккумулирующие специальные научные знания в различных областях, в аспекте особенностей языковой объективации составляющих ее компонентов в художественных текстах различных жанров.

Представляется важным отметить, что проблема использования языка науки в пространстве художественных текстов не является новой. Существует значительное число работ, посвященных экспрессивному потенциалу знаков языка науки, функционирующих вне рамок научного дискурса [Елизарова, 1992; Разоренов, 2006]. К настоящему моменту в специальной литературе детально описаны функции терминов, околотерминологической лексики и профессионализмов, являющихся вторичными по отношению к их номинативной функции. Речь идет об экспрессивной, прогностической, различительной, статусно-ролевой и других функциях, способных к реализации только вне пространства научного текста.

Таким образом, можно говорить о попытках создания в контексте доминирующей на настоящем этапе когнитивно-дискурсивной парадигмы модели функционирования знаков языка науки в пространстве художественного произведения, которая позволила бы прогнозировать возможные варианты интерпретации заложенных автором смыслов. Очевидно, что обязательным условием успешного построения такой модели является обращение к максимально широкому спектру единиц языка науки, способных выступать репрезентантами научных понятий, а следовательно, обусловливающим формат существующих специальных научных знаний.

Диапазон языковых средств, способных выступать в художественном тексте репрезентантами научных понятий, представлен, помимо терминологической, околотерминологической и профессиональной лексики, знаками искусственных языков (химические, математические и другие формулы), прецедентными именами науки, сложными знаками, представляющими собой фрагменты иных текстов (цитаты из научных, научно-популярных и учебных текстов), а также синтаксическими и словообразовательными моделями, характерными для научного стиля. Особое место в этом ряду занимают знаки искусственных языков и прецедентные имена науки, обладающие значительным когнитивно-экспрессивным потенциалом, который выражается в их способности репрезентировать при помощи минимума языковых средств сложные ментальные образования, аккумулирующие как специальную научную информацию, так и фоновые знания, задающие в той или иной степени

направление интерпретативной активности читателя. Иными словами, за данными языковыми знаками стоят концепты, в структуре которых четко выделяется ядерная зона, представленная научным понятием, и периферийные области (представления, чувственные образы, энциклопедические знания и т.п.), связанные ассоциативными цепочками с ядром концепта.

Зачастую именно периферийные слои концепта, отличающиеся у каждого конкретного носителя языка, определяют выбираемый читателем вариант интерпретации, что объясняет факт существования множества вариантов интерпретации одного и того же фрагмента текста, в соответствии с хорошо известным тезисом П. Валери, утверждавшего, что у художественного текста нет какого-либо подлинного смысла [Валери, 1993, с. 372]. Любой текст может быть адаптирован к выбранной читателем аналитической схеме, следовательно, может существовать бесконечное множество интерпретаций, обусловленных как личностью интерпретатора, так и контекстом интерпретации, а сам читатель предстает уже не как потребитель текста, а как его производитель [Барт, 2001, с. 32].

Похожую точку зрения на процесс интерпретации текста можно обнаружить в работах Г.Г. Гадамера, одного из основателей философской герменевтики. Интерпретация текста, по Г.Г. Гадамеру, предстает как «набрасывание смысла: как только в тексте появляется первый проблеск смысла, толкователь делает предварительный набросок, пытаясь предвосхитить смысл целого текста» [Гадамер, 1991, с. 75]. Понимание смысла текста состоит в создании собственного смысла, источником которого является опыт читателя, уникальный у каждого индивида, что дает возможность так называемого личного прочтения текста, или его переписывания.

В приведенном ниже примере читатель выступает в роли соавтора текста, привнося в его семантическое пространство свои идеи, мысли и ожидания. Примечательно, что глубина понимания не находится в прямой зависимости от объема собственно научных знаний, которые находятся в распоряжении интерпретатора. Так, авторский смысл будет расшифрован сходным образом и специалистом-химиком и человеком, чьи знания в этой области не идут дальше минимума, который дает средняя школа.

«Why do the smoke-stacks have those things like balconies around them?» enquired Lenina.

Henry explained telegraphically. «On their way up the chimney the gases go through four separate treatments. P₂O₅ used to go right out of circulation every time. Now they recover over ninety-eight per cent of it».

«*Phosphorus recovery, more than a kilo and a half per adult corpse. Which makes the best part of four hundred tons of phosphorus every year from England alone*» (Huxley, 1984)¹.

Единственным существенным отличием в процедуре интерпретации будет тот факт, что эксперт в области химии воспринимает последовательность знаков языка химических формул (P_2O_5) как единое целое, как пентаоксид фосфора, со всеми его химическими, физическими и термическими свойствами. В свою очередь, читатель, не имеющих глубоких знаний в области химии, не способен соотнести химическую формулу со стоящим за ней веществом без обращения к специальной литературе, а следовательно, вынужден следовать за узором инородной нити в тексте художественного произведения, расшифровывая поэлементно формулу химического вещества. Первый знак отвечает за основное вещество реакции, которое подвергается изменениям в ходе химической реакции, тогда как второй знак вводит вспомогательный элемент, который характеризует характер химической реакции. Соотнеся буквы латинского алфавита с химическими элементами периодической таблицы Менделеева, читатель приходит к выводу, что речь идет о реакции с участием фосфора и кислорода, то есть об окислении фосфора. Как следствие, следующим ожидаемым шагом является предположение, что в здании, о котором идет речь, происходит сжигание фосфоросодержащих продуктов.

На этом этапе интерпретации потенциал эксплицитных смыслов, реализованных в данном текстовом фрагменте, можно считать исчерпанным, а все дальнейшие шаги, которые предпринимает читатель по извлечению дополнительной информации из текста, связаны уже с уровнем имплицитных смыслов. Так, на основании информации о том, что максимальное содержание фосфора присутствует в костях биологических организмов, читатель может сделать предположение о том, что здание, описываемое в романе, представляет собой крематорий, и это предположение находит свое подтверждение в будущем контексте (*phosphorus recovery, more than a kilo and a half per adult corpse*). Таким образом, информация о пентаоксиде фосфора относится к уровню эксплицитных смыслов, тогда как предположения о предназначении описываемого в романе здания или догадки относительно дальнейшего использования восстановленного фосфора составляют сферу имплицитного смысла и

¹ Здесь и далее в круглых скобках даны ссылки на текст Huxley A. *Brave new world and Brave new world revisited*. London, 1984.

могут быть описаны как некое поле возможных вариантов интерпретации. Например, дальнейшее использование пентаоксида фосфора читатель может связать с производством удобрений или синтезом ортофосфорной кислоты, что ведет к актуализации в сознании или представлений о рациональном способе ведения сельского хозяйства или сведений о передовых технологиях в пищевой промышленности соответственно.

Аналогичным образом функционируют в художественном тексте прецедентные имена науки и производные от них, представляющие собой авторские неологизмы, что может быть проиллюстрировано следующим примером.

The D.H.C. and his students stepped into the nearest lift and were carried up to the fifth floor. INFANT NURSERIES. NEO-PAVLOVIAN CONDITIONING ROOMS, announced the notice board.

The swiftest crawlers were already at their goal. Small hands reached out uncertainly, touched, grasped, unpetaling the transfigured roses, crumpling the illuminated pages of the books. The Director waited until all were happily busy. Then, "Watch carefully," he said. And, lifting his hand, he gave the signal.

The Head Nurse, who was standing by a switchboard at the other end of the room, pressed down a little lever. There was a violent explosion. Shriller and ever shriller, a siren shrieked. Alarm bells maddeningly sounded. The children started, screamed; their faces were distorted with terror.

«And now,» the Director shouted (for the noise was deafening), «now we proceed to rub in the lesson with a mild electric shock».

«Observe,» said the Director triumphantly, «observe». Books and loud noises, flowers and electric shocks – already in the infant mind these couples were compromisingly linked; and after two hundred repetitions of the same or a similar lesson would be wedded indissolubly. What man has joined, nature is powerless to put asunder.

«They'll grow up with what the psychologists used to call an 'instinctive' hatred of books and flowers. Reflexes unalterably conditioned. They'll be safe from books and botany all their lives» (Huxley, 1984).

Языковая единица нео-Pavlovian, образованная от прецедентного имени русского ученого-физиолога И.П. Павлова, является критически важной для правильной интерпретации смысла, заложенного автором. Однако для реализации первого этапа понимания читатель может вполне обойтись и без установления связи между данным языковым знаком и именем известного ученого, ограничившись обращением к семантике приставки *neo*. Ее эффективность как экспрессивного

средства объясняется наличием множества терминов, построенных по схожей модели (неокантианство, неогумбольдианство, неоплатоники и т.п.), которые используются для обозначения научной дисциплины, школы или направления, базирующегося на широко распространенном учении, но являющегося в достаточной степени оригинальным, чтобы заявить о своей самостоятельности.

В рассматриваемом текстовом фрагменте этой базой выступает учение академика И.П. Павлова об условных рефлексах, или реакциях, которые организм вырабатывает в связи с изменениями окружающей среды, полученными знаниями и т.п. Широко известен эксперимент в ходе которого у собак вырабатывался условный рефлекс в виде выделения слюны при включении лампочки, которое первоначально сопровождалось получением пищи, даже при отсутствии пищевого поощрения. Новизна "неопавловского" подхода легко расшифровывается читателем благодаря ближайшему окружению прецедентного имени (*infant nurseries*), которое указывает на то, что в экспериментах, подобным тем, что проводил в свое время академик И.П. Павлов, участвуют дети.

После актуализации в сознании читателя информации об учении академика И.П. Павлова концепты, стоящие за лексическими единицами *infant*, *neo*, *Pavlov* и *conditioning*, сливаются по замыслу автора в единый образ эксперимента, в котором условные рефлексы прививаются детям. Благодаря этому образу читатель переосмысливает предыдущие контексты, интегрируя полученную информацию в целостную картину мира изображенной в романе антиутопии, отличающейся от привычного читателю мира как путем развития научной мысли, так и морально-этическими нормами.

Будущие контексты, в которых сначала описывается ход эксперимента, а затем студенты получают необходимые объяснения, так же полностью соответствуют ожиданиям читателя, адаптирующего свои знания о собаке Павлова применительно к новому объекту. Может создаться впечатление, что при интерпретации данного текстового фрагмента задействуется один из самых простых механизмов понимания, понимание по аналогии: в классическом эксперименте имеет место цепочка «кормление – включение лампочки – выделение желудочного сока», тогда как в романе О. Хаксли ей соответствует цепочка «книги / цветы – громкий звук / электрический ток – устойчивое отрицательное отношение к книгам и цветам». Однако пояснения, которые следуют по окончании эксперимента (*what man has joined, nature is powerless to put asunder; reflexes unalterably conditioned*), содержат заведомо

неверную информацию, противоречащую реально существующему научному знанию. Так, не менее чем за двадцать лет до написания романа, было экспериментально установлено, что только безусловные рефлексы у человека являются вечными и нестираемыми, тогда как любой условный рефлекс у психически здорового человека утрачивается, если ситуация, на которую выработан рефлекс, не повторяется некоторое время. Таким образом, научное понятие «условный рефлекс» интегрируется в концептуальное пространство художественного текста в намеренно искаженной автором форме, что усиливает эффект непохожести мира, знакомого читателю, и мира, созданного воображением автора.

Все вышесказанное позволяет сделать вывод том, что формой организации специального научного знания в концептуальном пространстве художественного текста является многогранный концепт, аккумулирующий информацию принадлежащую как научной, так и иным картинам мира, включенный в сложную систему отношений с другими ментальными образованиями и актуализирующийся посредством употребления автором художественного текста имени концепта в некотором окружении, которое и определяет направление интерпретативной активности читателя. Как следствие, процедуры интерпретации художественного текста, в пространстве которого находят свою реализацию специальные научные знания, представляют собой сложный когнитивный феномен, комплексное исследование которого предполагает разработку соответствующего терминологического и методологического аппарата.

Литература

- Барт Р. S/Z. М., 2001.
Валери П. Об искусстве. М., 1993.
Гадамер Г.Г. Актуальность прекрасного. М., 1991.
Елизарова Л.Н. Терминологические и художественные новообразования в функциональном аспекте (на материале произведений современной научной фантастики): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Орел, 1992.
Разоренов Д.А. Термин в современном художественно произведении (на материале английского языка): автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2006.

Список источников

- Huxley A. Brave new world and Brave new world revisited. London, 1984.

References

- Bart R. S/Z [S/Z]. Moskva, 2001.
Valeri P. *Ob iskusstve* [About Art]. Moscow, 1993.
Gadamer G.G. *Aktual'nost' prekrasnogo* [Topicality of the Beautiful]. Moskva, 1991.
Elizarova L.N. *Terminologicheskie i khudozhestvennye novoobrazovaniya v funktsional'nom aspekte (na materiale proizvedeniy sovremennoy nauchnoy fantastiki)* [Terminological and Literary Neologisms in the Functional Aspect (a case study of modern science fiction texts)]. Abstract of Philol. Cand. Diss. Orel, 1992.
Razorenov D.A. *Termin v sovremenном khudozhestvenno proizvedenii (na materiale angliyskogo yazyka)* [Scientific Term in the Modern Literary Text (a case study of the English language)]. Abstract of Philol. Cand. Diss. Moskva, 2006

List of sources

Huxley A. *Brave new world and Brave new world revisited*. London, 1984.

ТЕКСТ МЕЖДУНАРОДНОЙ КОНВЕНЦИИ КАК ЖАНР ЮРИДИЧЕСКОГО ДИСКУРСА: ЯЗЫКОВЫЕ СПОСОБЫ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ЗНАЧЕНИЯ ПЕРФОРМАТИВНОСТИ В СТРУКТУРНЫХ ЭЛЕМЕНТАХ ДОКУМЕНТА (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА)

М.Э. Мосесова

Ключевые слова: текст, право, международные конвенции, структура, перформативность, юридический дискурс, английский язык.

Keywords: text, law, international conventions, structure, performativity, legal discourse, English.

DOI 10.14258/filichel(2019)2-14

На сегодняшний день одним из приоритетных направлений лингвистических исследований является комплексный анализ речевой деятельности в сфере профессионального общения. Лингвистика последних десятилетий насчитывает множество работ, затрагивающих проблему изучения специфики различных типов дискурса, а также особенностей вербализации и репрезентации в языке целого ряда